

© Каменская Т. Г.

Каменская Т. Г. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

УДК:316, 422:001

КОНСТРУКТИВІСТСЬКА ПАРАДИГМА І СУЧАСНІ ДОСЛІДНИЦЬКІ СТРАТЕГІЇ

Соціоконструкторська діяльність певного прошарку суспільства впливає на проведення соціологічних досліджень. Часто соціологам доводиться виявляти не соціальні закони й закономірності, а проводити оцінні дослідження впроваджених соціальних технологій. Для уточнення проблемної області дослідження й визначення предмета дослідження пропонується попередня історико-технологічна експертиза.

Ключові слова: конструктивістська парадигма, проблема дослідження, історико-технологічна експертиза

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ

Социоконструкторская деятельность определенной прослойки общества сказывается на проведении социологических исследований. Часто социологам приходится выявлять не социальные законы и закономерности, а проводить оценочные исследования внедренных социальных технологий. Для уточнения проблемной области исследования и определения предмета исследования предлагается предварительная историко-технологическая экспертиза.

Ключевые слова: конструктивистская парадигма, проблема исследования, историко-технологическая экспертиза

CONSTRUCTIVIST PARADIGM AND CURRENT RESEARCH STRATEGIES

Social constructive work of a certain social layer affects the process of social researches. It happens that sociologists instead of revealing social rules and regularities often have to make estimate researches of implemented social technologies. In order to specify the problem area of a research and to define a subject it is proposed to make a preparatory historic technological expertise.

Key words: constructivist paradigm, research problem, historic technological expertise.

Известный российский социолог Ж.Т. Тощенко считает, что в социологической науке «существуют и функционируют три парадигмы: социологический реализм (объект исследования – общество, социальные системы, социальная(ые) структура(ы), социальные институты); социологический номинализм (объект исследования – индивид, личность, человек, социальные группы, общности) и конструктивистская парадигма (П. Бергера и Т. Лукмана)» [1]. Последняя предстает в различных моделях, одна из которых (субъектцентрированная модель конструктивизма) неизбежно предполагает участие в социальных процессах и явлениях конструирующего, смыслополагающего субъекта. Социальная дифференциация, в том числе и на основе отношения к активности в социоконструкторской деятельности, не может оставаться без внимания со стороны исследователей-социологов. Обладание ресурсами, достаточными для той или иной преобразовательной конструктивистской деятельности в обществе, выделяет таких субъектов в специфическую социальную прослойку. Но особым образом выделяются те обладатели конструктивистских и инновационных ресурсов, которые применяют их на практике, то есть активно занимаются социоконструкторской деятельностью. Данная социальная группа или слой могут исследоваться с различных позиций, но в настоящей работе мы попытаемся сосредоточиться на назревшей необходимости учитывать при проведении социологических исследований присутствие субъектов социоконструкторской деятельности. Иными словами, когда современные общественные процессы проектируются какой-либо инициативной группой, внедряются различные социальные технологии, создаются разного рода целевые социальные организации и группы, тогда в исследованиях этих процессов никуда не деться от неизбежного факта присутствия чьего-то субъективного волеизъявления, которое предваряло исследуемые социальные процессы, явления, определяемые в исследованиях как объект и предмет.

В качестве основной задачи настоящей статьи предполагается обосновать возможную модель

стратегического подхода в рамках социологических исследований с учетом активного социоконструкторского преобразования современной социальной организации общества.

Прежде чем приступить к систематизации логических задач в анализе объектно-предметных элементов социологических исследований, уточним специфику конструктивистской модели современной организации общества.

В философии конструктивизм понимается «как подход, в рамках которого всякая познавательная деятельность рассматривается как конструирование» [2, с. 5]. В историческом плане конструктивистские идеи связывают с античными философами-математиками, основоположниками геометрии (Евдокс, Платон). Дальнейшее развитие «логический конструктивизм» получил в работах И. Канта. Также на основе математики развился, по мнению И.Т. Касавина, «методический и радикальный конструктивизм». В работах Н. Гудмена получил развитие «символический конструктивизм» [2, с. 6].

В науке конструктивизм представлен (преимущественно в психологии и социологии) как инструментальный подход, как научная теория, которая обрела со временем статус парадигмы. Конструктивистская парадигма начинает формироваться в работах известного классика социологии Э. Дюркгейма, продолжается П. Бергером и Т. Лукманом. В современной социологии постулаты конструктивистской парадигмы рассматриваются Ж.Т. Тощенко, в психологии – А.М. Улановским.

Зарубежные авторы Т. Джонсон, К. Дандекер, К. Эшуорт обращают внимание на то, что конструирование социальной реальности всегда лежит в дуализме материалистической и идеалистической картин мира, а способы познания исчерпываются номинальным и реальным [3, с. 92, 94]. Эти исследователи продолжают развивать мысль, высказанную еще Э. Дюркгеймом, который пытался воссоединить индивидуальные воплощения и социальные факты. В качестве исходного импульса такой трансформации Дюркгеймом был предсказан двойственный механизм, объединяющий в себе, с одной стороны, мышление, рациональный продукт инициатора, и, с другой стороны, необходимое условие – наличие веры у «неинициатора», т. е., наоборот, отказ от рационального осмысления происходящего.

Замыслы, идеи и цели одних людей из идеалистической, затем идеологической формы трансформируются в поступки других людей до образования конкретных материальных объектов. Происходит это в коммуникациях с использованием средств социолингвистики, языковых игр, риторики, топикки, психо- и социоинженерного воздействия. Знание базисных психологических и социальных закономерностей, встроенное в целенаправленные коммуникативные или лингвистические практики, становится главной формирующей силой с середины XX столетия и остается до настоящего времени. Такой вывод позволяют сделать работы, прежде всего, по теории конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана; по философии языка – Л. Вигенштейна; по интерпретативной социологии – И. Гофмана; по теории коммуникативного действия – Ю. Хабермаса и других. Природное и социальное неравенство, подкрепленное неравенством в обладании знаниями, закрепляет разделение людей в современном обществе на две группы: 1 – мыслящих, инициативных и конструирующих социальный порядок субъектов и 2 – тех, которые с различной степенью осознания таких различий вовлекаются в конструирование социального порядка посредством различных психологических и социальных технологий.

С учетом вышеизложенной конструктивистской трактовки организации современной социальной реальности устанавливаются специфические требования к исследовательским стратегиям, особенно в социологии. Следуя традиционной логике организации и проведения социологических исследований, социологи отталкиваются от проблемной области. В суждениях о сути научной проблемы И.Т. Касавин пишет: «Свойство проблемы – это постановка под вопрос наличного знания» [4, с. 7]. Поэтому, согласно дедуктивной логике количественных исследований, социологи изначально обращаются к уже открытому в науке знанию. За пределами наличествующего знания начинается проблемная область, в которой определяется объект и предмет исследования. Однако если в современных условиях конструктивистского обхождения с социальной реальностью знания практически повсеместно задействуются в организации общества, тогда встает вопрос скорее о той или иной степени осведомленности исследователей. Иными словами, то, на что социологи направляют свой исследовательский интерес (объект и предмет исследования), не совсем может располагаться в проблемной области. Для тех, кто стремится исследовать современные сконструированные социальные процессы, вопрос стоит скорее об их личной «еще неосведомленности» – какие технологии были задействованы теми или иными социальными конструкторами-проектировщиками. Такие сведения бывает сложно охватить из-за накопления

множества информации и знаний или из-за того, что имеющие место социальные технологии могут представлять собой коммерческие проекты и быть закрытыми. В качестве примера может служить устремленность некоторых студентов заниматься исследованиями рекламы или электоральных настроений. В таких случаях приходится объяснять, что реклама и настрой избирателей являются уже чьими-то разработками и апробированными технологиями. Причем разработчики явно располагали и знаниями, и ресурсами для экспериментальных исследований, поэтому к их продукту чаще всего можно применить лишь оценочные исследования – удались или не удались замыслы организаторов; имеют ли они определенный запас стабильности и прочности и т.п.

На возникновение конфликтных ситуаций, социальной напряженности, неудовлетворенности населения какими-либо процессами и явлениями, собственно, на любую социальную патологию социологическая наука призвана реагировать как на проблему с последующей разработкой стратегии получения знаний о природе, о причинах и свойствах этих явлений. На самом же деле тот факт, что сегодня может целенаправленно конструироваться социальная напряженность, могут внедряться сценарии различных конфликтных ситуаций, ставит социологическую науку перед необходимостью поиска новых стратегий в исследовательской деятельности.

На наш взгляд, современные социологи должны включаться в исследовательский процесс не только с установлением границ научного знания и незнания, но и с проведением историко-технологической экспертизы проблемной области. Стремительные и интенсивные изменения в современной социо-политико-экономической реальности также стремительно и быстро переводят в ранг исторического прошлого не только социальные явления и процессы, но даже более устойчивые психические процессы [5]. Можно заметить, как сложно сегодня приходится налаживать мониторинговые исследования в социологии из-за того, что в течение сравнительно короткого времени существенно изменяется не только внешний социальный контекст, но и сущностные свойства исследуемых социальных объектов. Поэтому, приступая к исследованию в той или иной отрасли социальной жизни даже в рамках количественной методологии, необходимо занимать позицию, свойственную исследователям-качественникам – всматриваться в исследуемое поле. Отличие дедуктивной логики количественного всматривания от индуктивной логики качественного всматривания заключается в том, что в первом случае логоцентризм количественной методологии предполагает необходимость установления «последовательности событий, происшедших в обществе». При этом акцент делается на «деяниях» [6, с. 273], т. е. реально произошедших событиях, что собственно и отражает история, особенно в ее естественном определении. В то время как в качественных исследованиях «всматриваться» означает (по В. Дильтею) более полагаться на переживания. Хотя следует отметить, что и в качественных исследованиях, но уже на последнем этапе (в ходе третьего типа «избирательного кодирования» при построении мини-теории «Grounded theory»), рекомендована процедура «выявления линии истории» [7, с. 99]. Какие бы субъективные переживания не излагали респонденты, эти данные все равно должны проходить процедуру «идентификации с историей».

Несмотря на то, что исторические методы в системе гуманитарного знания всегда оценивались неоднозначно, на современном этапе возникает очередная, можно сказать, циклическая заостренность интереса на пересмотре их возможностей. В недавнем прошлом, например, мы наблюдали, как критически относился известный австрийский философ и социолог К. Поппер к историческому подходу в социальных науках. Он не представлял возможным для этих наук строить свои цели на исторических предсказаниях, используя метод обобщения прошлых закономерностей. А П. Бурдьё, наоборот, призывал к «реабилитации историзма», поскольку прошлое никак нельзя выбросить из генезиса человеческого бытия. Безусловно, критиковался не столько историзм (принцип подхода к предмету исследования как изменяющемуся во времени; по И.Г. Белявскому, «историзм – это диалектический метод исследования движения» [5, с. 36]), а историцизм, который, как считает Ницше, представляет собой архивное, музейное обращение с человеческой историей.

Об исторической ретроспективе как методе формирования понимания современных событий говорил и немецкий феноменолог Э. Гуссерль. «Становясь на современную точку отсчета, более глубоко можно постигнуть понимание начал, без которых нельзя понять развитие, как развертывание смысла. Нам не остается ничего иного, как двигаться вперед и возвращаться назад, двигаться «зигзагом». Прояснение одной стороны приводит к прояснению другой, которая в свою очередь высвечивает другую» [8, с. 93–94]. И хотя «понимание» – это категория качественной методологии, она отнюдь не отрицается и количественными исследовательскими принципами, тем более, если принимать во внимание современную конструктивистскую реальность, которая формируется и

преобразуется социоинженерными средствами, в том числе внедрением социальных технологий. Потому привязка к истории (описательный исторический обзор или история идей, появляющихся в индивидуальном и социальном сознаниях) рассматривается как первый этап в построении программы исследования, предназначенный для окончательного обоснования проблемы.

Исторический экскурс, в том числе и в историю идей, позволяет не только более основательно убедиться в наличии проблемы и необходимости исследования, но и определиться с методологией исследования: будет ли это качественная или количественная парадигма. Как известно, одно из условий, ориентирующих на выбор качественной методологии, – это новизна, инновационность и модальность процесса или явления в обществе. Обнаружение таких характеристик у социальных явлений и процессов подводит и к необходимости оценки: результатом чего они являются – искусственно ускоренных и рационально организованных изменений или плавных эволюционных трансформаций? В первом случае (когда имеют место целенаправленные на сокращения временных затрат и специалистами управляемые социальные алгоритмы действий) проявляются признаки применения социальных технологий. Для социолога-исследователя это может означать, что придется изучать результат кем-то уже спланированного и сконструированного фрагмента социальной реальности, оценивать чье-то мастерство и профессионализм, выявлять субъективные смыслы субъектов социоконструкторской деятельности, т. е. проводить оценочные исследования, а не устанавливать объективные социальные законы и закономерности.

Обобщая вышеизложенный материал можно отметить, что с позиции субъектцентрированной конструктивистской парадигмы в подготовке программ социологических исследований приходится сталкиваться с рационально сконструированными социальными явлениями и процессами. Для того чтобы исследовательский поиск был сориентирован на реально существующую проблему, а не на поиск того, что давно известно специалистам-технологам и управляется ими, необходимо предварять разработку программы социологического исследования проведением историко-технологической экспертизы. Данный тип экспертизы предполагает углубление в историю и историографию социального контекста вокруг явления или процесса, выделенного в качестве проблемного; выявление вектора исторических изменений предполагаемого объекта и предмета исследования; установление уровня сформированности или модальности явлений и феноменов с последующим уточнением на предмет внедрения социальных технологий и воздействий. Можно согласиться с К. Поппером, что поступательное целенаправленное конструирование жизненной реальности посредством социальных технологий нивелирует прогностические возможности истории. Однако постижение замыслов и целей уже внедренных социальных технологий способно значительно прояснить сущность той или иной исследуемой проблемной ситуации, построить более четкое представление об объектно-предметной области в современных социологических исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тощенко Ж. Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 5–24.
2. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки : научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. – 2008. – Т. XV. – № 1. – С. 5–14.
3. Джонсон Т. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства / Т. Джонсон, К. Дандекер, К. Эшуорт // Теория и история экономических и социальных институтов. М. ; – 1993. – Вып. 1. – № 1 – С. 83–105.
4. Касавин И. Т. Проблема как форма знания / И.Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XXII. №4. – С. 9.
5. Белявский И. Г. Лекции по исторической психологии / И. Г. Белявский ; – Одесса, Астропринт. 2004. – 446 с.
6. Савельева И. М. Социология знания о прошлом / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // . – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 343 с.
7. Страусс А. Основы качественного исследования / А. Страусс, Д. Корбин ; [пер. с англ. Т.С. Васильевой]. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
8. Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль ; [пер. с нем. / под ред. О. А. Сердюкова]. – Новочеркасск ; Сагуна, 1994. – 358 с.